

1763

Минерва и канарейки

11 февраля 1763 г. Екатерина II все-таки «изничтожила» манифест, несколько месяцев томившийся в ожидании опубликования. Императрица долго колебалась и теперь, надорвав свою подпись на документе, сделала его недействительным, юридически ничтожным. Манифест должен был известить российских подданных о создании Императорского совета и реформе высших органов власти.

Урожденная принцесса Анхальт-Цербстская София Фредерика Августа, получившая в православном крещении имя Екатерины Алексеевны, пришла к власти 28 июня 1762 г. в результате очередного дворцового переворота. Свергнутый супруг, император Петр III, убитый вскоре после переворота, в манифесте от 6 июля 1762 г. обвинялся в проведении антиправославной и антинациональной политики. Новая государыня провозгласила, что «самовластие, не обузданное добрыми человеколюбивыми качествами в государе, есть зло», и пообещала ввести «государственные установления», «чтобы каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядке».

Составить проект преобразования высшего звена государственно-аппарата было поручено воспитателю наследника и одному из главных действующих лиц переворота графу Никите Панину. Тот вновь выдвинул — после 30-летнего забвения — идею правового регулирования самодержавной власти. Активно участвовавшая в подготовке переворота Екатерина Дашкова вспоминала, что Панин «...стоял за соблюдение законности и за содействие Сената».

Проектируемый Паниным Императорский совет — новое высшее законодательное учреждение — должен был состоять из шести-восьми сановников, назначаемых императрицей и работавших под ее непосредственным руководством. Четыре статс-секретаря возглавили бы государственные департаменты Совета — военный, морской, иностранных дел и внутренних дел. Все постановления и указы следовало утверждать не только подписью императрицы, но также подписью

статс-секретаря, ответственного за данную сферу деятельности. Это было новое и важное положение об ответственности министров-советников не только перед монархом, но и перед «публикой» (хотя под «публикой» Панин понимал довольно узкий круг «генералитета»).

Прямого покушения на самодержавие в документе нет: монарху принадлежит «последняя резолюция» по всем вопросам, а заключительный 11-й параграф еще раз подтверждает, что из Совета не могут исходить никакие указы «инако, как за собственноручным монаршим подписанием». Однако некоторое ограничение есть: Совет во главе с монархом как высший законодательный орган тесно взаимодействовал и в определенной степени зависел от Сената как высшего исполнительного органа.

Сенат получал право представления (т. е. возражения) на решения монарха и Совета в случае, если их исполнение может «касаться или утеснять... государственные законы или народа благосостояние». Сенат должен был быть разделен на шесть департаментов с постоянным кругом вопросов, а решение дел в них предполагалось сделать единогласным. В случае невозможности его достичь дело передавалось на рассмотрение общего собрания Сената, где оно решалось большинством голосов. Обнаружение пробела в законодательстве влекло за собой обращение к императрице, что автоматически означало вступление в действие Императорского совета.

Историки давно спорят о смысле и возможных перспективах этого проекта. Однако, как бы их не оценивать, несомненно, что проект отчасти ограничивал самодержавную власть, разграничивал законодательные и исполнительные функции, способствовал внедрению в высший правительственный аппарат правовых механизмов. Это, кстати, сразу почувствовали современники. Так, критик проекта генерал-фельдцейхмейстер А. Вильбоа в своем отзыве предупреждал, что «Императорский совет слишком приблизит подданного к государю, и у подданного может явиться желание поделить власть с государем». Отсюда, по его мнению, «могут произойти вредные следствия». Разумеется, речь шла о совсем немногих подданных — в основном вельможном дворянстве, участвовавшем в перевороте 28 июня и ожидавшем «фундаментальных законов» для защиты собственной чести, безопасности, имущества от произвола самодержца или его фаворитов.

Очевидно, такие опасения разделяла и императрица. 28 декабря она подписала манифест об Императорском совете, но отложила об-

народование. В январе и начале февраля 1763 г. среди ближайшего окружения Екатерины шли острые споры вокруг проекта (именно тогда высказался и Вильбоа). В конце концов императрица надорвала свою подпись, сделав манифест недействительным.

Отвергнув проект Панина, Екатерина II уже больше не возвращалась к идее политических реформ высшей власти. Вполне реальная альтернатива шага по направлению к конституционной, «правовой» монархии была отвергнута. Отвергнута не из одного только властолюбия, императрица отказалась поступиться долей самодержавной власти, находясь под обаянием идеи французских писателей, разделяемой и королем прусским, что самодержавному государю гораздо способнее привести в просвещенное состояние народ и воля его не должна по этой причине ограничиваться волей непросвещенного народа.

Относительно народа как субъекта истории Екатерина вообще придерживалась взглядов довольно скептических, если не сказать цинических. В приватном письме Вольтеру она утверждала: «Хлеб, питающий народ, религия, которая его утешает, — вот весь круг его идей. Они будут всегда так же просты, как его природа; процветание государства, столетия, грядущие поколения — слова, которые не могут его поразить... Из всего громадного пространства, которое называют будущностью, он видит всегда лишь один только наступающий день; он своей нищетой лишен возможности простираť свои интересы в будущее». Кажется, именно о таких взглядах Радищев в оде «Вольность» напишет — «чело надменное вознесши, царь... в народе зрит лишь подлу тварь».

Зато, по мысли самого монарха, в таком огромном государстве, как Россия, только неограниченная власть может и должна позаботиться о процветании и «грядущих поколениях», «действия людей направить к получению самого большого ото всех добра». Это уже слова самого знаменитого политического трактата императрицы — «Наказа», в котором дано четкое определение гражданского общества — оно, «как и всякая вещь, требует известного порядка; надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются». Итак, «правлящая и повелевающая» монархия решила делать это вполне в предшествующих традициях (по словам Ивана IV, «московские самодержцы издревле сами владеют своим государством, а не бояры и не вельможи»).

«Торжествующая Минерва»

Именно с такой ноты началось новое царствование, которому было суждено стать эпохой в российской истории. Эпоха эта была богата событиями и идеями. В эту эпоху явились в России первое национальное законодательное собрание с открытыми дебатами (Уложенная комиссия) и первые учебные заведения для женщин (Смольный и Екатерининский институты). Воспитательные дома для подкидышей (чтобы остались живы и получили образование) и дворянское самоуправление (губернские и уездные дворянские собрания).

Совершилось завоевание Крыма и утверждение России на Северном Кавказе, повлекшее за собой начало первой «священной войны» горцев — движения под предводительством шейха Мансура. Надолго запомнившаяся дворянам пугачевщина (по Пушкину — «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», который, однако, не был ни тем, ни другим) и покупка знаменитых эрмитажных коллекций, положивших начало созданию первоклассного национального музея. Три раздела Речи Посполитой, в результате которых были присоединены литовские, украинские и белорусские земли, а само польское государство исчезло — вместе с остатками доброжелательного отношения Европы к России. Зато Российская империя вобрала в себя массу еврейского и польского населения, чем была заложена мина замедленного действия под этой самой империей. Новаторское законодательство, которое на три четверти не было воплощено в жизнь, а воплощенное оформило в России сословный строй — всего за несколько лет до начала его крушения в Европе в результате Великой французской революции.

В эту эпоху родились полные смелых мыслей, либеральный «Наказ», над которым императрица трудилась несколько лет — и не менее смелая, «ультралиберальная» (по выражению В.О. Ключевского) книга Радищева, за которую он был приговорен Сенатом к казни четвертованием. Запрещение пыток и цензуры (с некоторыми исключениями для наиболее волновавших Екатерину лиц и книг), впервые введенное в законодательство понятие собственности и замена подписи «раб» в официальных документах на «подданный». Расцвет русского просветительства и масонства, появление консервативной и либеральной оппозиции, а под конец царствования — и общественного мнения как серьезной силы, и первых представителей русской интел-

лигенции (отправившихся, в лице Радищева и Новикова, соответственно — в Сибирь и Шлиссельбургскую крепость, где к тому времени уже сидел шейх Мансур).

Вступившая на русский трон тридцатичетырехлетняя женщина была вполне сложившимся политиком, решительным и целеустремленным. Еще за семь лет до переворота она писала в тайной записке английскому послу — «будьте уверены, что я буду царствовать или погибну».

Честолюбие и жажда власти, железная воля и прагматизм, отличное знание человеческой природы и умение играть на ее страстях и слабостях, сильно действующее как на мужчин, так и на женщин обаяние и замечательная начитанность, знакомство с передовыми идеями века и стремление хотя бы отчасти воплотить их на практике, прославить себя и страну — вот далеко не полный перечень достоинств этой редкой личности. При этом Екатерина II, как и Петр I, на которого она ориентировалась сознательно и бессознательно, была самоучкой и трудоголиком.

Ее рабочий день начинался в шесть утра, причем первые два-три часа она работала над своими сочинениями и государственными бумагами, затем шли аудиенции секретарей, вельмож и беседы с посетителями, обед (она никогда не ужинала), чтение и опять работа до вечера, пока не наступало время для прогулок, карт или театра — до десяти часов, когда императрица ложилась спать. И так каждый день на протяжении нескольких десятилетий. Поэтому Екатерина сумела оставить после себя десять томов изданного и почти двадцать — неизданной переписки, написать великое множество законодательных, литературных, публицистических и мемуарных сочинений.

Она обладала несомненным литературным талантом — читая ее «Записки», невольно попадаешь под влияние созданного ею собственного позитивного образа трудолюбивой, разумной и чувствительной овечки, равно как и крайне негативного образа Петра III (в эту ловушку часто попадают литераторы и историки). Литературное творчество Екатерины насквозь публицистично и было важной частью ее политической деятельности. Первой на русском троне она поняла общественную силу литературы и стремилась использовать ее в политических целях.

Русское общество к 1760-м гг. достигло определенной степени зрелости после бурной петровской модернизации, развиваясь в русле

ее основных идей и противоречий. Это было хорошо видно иностранцам, один из которых (английский посланник при русском дворе Джордж Макартни) писал в 1767 г.: «На Россию надо смотреть не как на отдаленную сияющую звезду, но как на великую планету, вторгнувшуюся в нашу систему, чье место пока еще не определено, но чьи движения могут властно повлиять на орбиты других планет».

Место российской планеты в европейской системе и предстояло определить. По чрезвычайно популярной в 1760-е гг. формуле, «Петр россам дал тела, Екатерина — души». С чем, кстати, не поспоришь — с одной стороны, посеянное Петром могло взойти только спустя несколько поколений, с другой — деятельность его отдаленной преемницы немало тому способствовала.

Идеология царствования была сформулирована сразу же — как на бумаге (в уже цитировавшемся манифесте 6 июля 1762 г.), так и в образах художественных. Зимой 1763 г. в Москве состоялось грандиозное театрализованное шествие «Торжествующая Минерва», призванное в аллегорических образах показать «гнусность пороков», с которыми будет бороться императрица и «славу добродетели», т. е. самой монархини в виде богини мудрости Минервы.

Режиссером действия был «отец русского театра» Федор Волков, тексты писали знаменитые поэты Александр Сумароков и Михаил Херасков. Три дня по забитым зрителями центральным московским улицам ездили многочисленные живые картины, хоры, оркестры и кукольные театры. Пороки клеймились в красочных образах Пьянства, Обмана, Невежества, ехавшего на осле в сопровождении «хора слепых, как ведут друг друга», Праздности и Злословия, «за коими следуют ленивые». Мздоимство со своими присными гнали мешками, полными денег, хромую Правду на костылях с преломленными весами. Взятки высиживали яйца гарпий, а позади Взятколюба Обдиралова тащились с пустыми мешками Обобранные. Далее шел Превратный свет — в «развратном платье» и надписью на повозке — «непросвещенные разумы», Мотовство и Бедность со свитой из картежников и игроков. И, наконец, в заключение — Юпитер, Златой век, Мир и «колесница, в коей торжествующая Минерва, в верьху оных Виктория и Слава». С этого времени в литературе и общественной мысли начинается утверждаться образ Екатерины как «русской Минервы».

Основная цель маскарада — развитие на русской почве созданного европейскими философами идеального образа просвещенного мо-

нарха, мудреца на троне, под скипетром которого расцветут науки и искусства, утвердятся закон и справедливость, будут повержены пороки. Одним словом, наступит «золотой век» — во имя «блаженства всех и каждого», как потом будет написано на нагрудных знаках депутатов Уложенной комиссии. Осуществлено это будет силой самодержавной власти, являющейся одновременно инициатором и гарантом преобразований и выступающей в союзе с образованным обществом.

Программа эта, если вдуматься, была достаточно утопичной, так как для утверждения закона и справедливости требовалось ограничение самодержавной власти «непременными законами» и отмена (или значительное смягчение) крепостного права — «рабства», несовместимого с «естественной вольностью» человека. Между тем самодержавие и крепостничество были основами русской политической жизни. Судьба панинского проекта Императорского совета показала сложность воплощения в жизнь даже достаточно умеренных реформаторских идей. По выражению уже цитировавшегося английского дипломата, «своим величием и своими колониями Россия обязана именно деспотизму, так что если русская монархия когда-либо станет ограниченной, она потеряет свою мощь и силу в той же степени, в какой приобретет моральные достоинства и гражданские усовершенствования».

Это противоречие было заложено еще Петром I, который, как писал В.О. Ключевский, «надеялся грозой власти вызвать самодетельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка...».

Екатерине досталось в наследство и еще одно противоречие. 18 февраля 1762 г. Петр III издал манифест, отменивший обязательную государственную службу дворян. Дворянство, боровшееся за освобождение от службы со смерти Петра I, было наконец-то раскрепощено, т. е. откреплено от государства (некоторые дворяне даже предлагали воздвигнуть императору золотую статую). Однако тем самым как с моральной, так и с юридической точки зрения теряло основание крепостное право для крестьян, ранее оправдывавшееся тем, что они служат своим хозяевам, а те — государю. Общество сразу это поняло. Как говорил вольнодумец Федор Кречетов, «раз дворянам сделали

вольность, для чего же оную не распространить и на крестьян, ведь они тоже человеки».

Так перед императрицей выдвинулись две основные проблемы государственной и общественной жизни — устройство власти (построение взамен тирании просвещенной «законной монархии») и крестьянский вопрос. Они были в центре внимания все царствование Екатерины, хотя подходы и способы решения менялись — от экспериментов начала царствования к крутой, но плодотворной прагматике после пугачевщины и усилению консервативно-охранительного курса последних лет. Менялись и степени риска принимавшихся решений — в сторону большей умеренности и рациональности. С начала 1770-х гг. к ним прибавились и другие сложности, связанные с отношением верховной власти, во-первых, к русскому просветительству, во-вторых, к своеобразному варианту синтеза культуры, веры и независимой общественной инициативы, представленному масонством последней трети XVIII в. Собственно, вокруг этих четырех вопросов — власть, крестьянский вопрос, просвещение и масонство — структурировалась общественная борьба, идейные и нравственные искания нескольких поколений русских людей.

На что канарейке свобода

Как справедливо писал о Екатерине П.Н. Милюков, «ранний пессимизм по отношению к людям совмещался у нее с оптимизмом по отношению к идеям». Идея общественной самодеятельности (разумеется, под контролем верховной власти) сильно увлекала ее в начале царствования. Императрица стремилась инициировать общественное обсуждение основных вопросов, поставленных как европейскими философами и просветителями, так и российской «почвой», прощупать реакцию общества и выработать направления «реальной политики». В «Наказе» это сформулировано следующим образом: «Законоположение должно применять к народному умствованию... Для введения лучших законов необходимо... умы людские к тому приуготовить. Но чтоб сие не служило отговоркою, что нельзя установить и самого полезнейшего дела. Ибо если умы к тому еще не приуготовлены, так примите на себя труд приуготовить оные, и тем самым вы уже многое сделаете». «Приуготовление» умов выразилось в трех главных ак-

циях — конкурсе в Вольном экономическом обществе (1766), деятельности Уложенной комиссии (1767—1768) и полемике на страницах сатирических журналов (1769—1770). Результаты оказались существешшими, но довольно неожиданными как для императрицы, так и для русского общества.

В 1765 г. группой из пятнадцати просвещенных дворян было основано Вольное экономическое общество (по типу английских экономических обществ), призванное помочь помещикам рационально организовать и вести хозяйство, знакомиться с западноевропейским опытом. Оно стало первой в России светской независимой от правительства общественной организацией и просуществовало до 1917 г. Сразу же началось издание «Трудов ВЭО», содержавших зарубежные и отечественные экономические, предпринимательские и агротехнические рекомендации и инструкции.

«Благодетельной судьбе моей было угодно, чтоб однажды, идучи по площади... в Москве... сторговал и купил себе книгу. .. Она была экономическая и составляла первую часть Трудов нашего экономического общества... и только что вышедшая в Петербурге из печати. Я и поныне не могу еще довольно надивиться тому, как могла она так скоро прислана быть в Москву... Не прежде как в самом сем году (т. е. в 1766) была она напечатана, а года сего не окончился еще и первый месяц, как я купил ее, и мы не только об ней, но и о учреждении самого экономического общества не имели еще ни малейшего слуха, знания и понятия. ...Как о экономических обществах в иных землях имел я уже довольно понятие, то, увидев из книжки сей, что и у нас такое ж учредилось, да еще и именитое и взятое самую императрицею в особое покровительство, вспрыгнул я почти от радости и с превеликой жадностью и вниманием начал читать все в ней напечатанное: и удовольствие мое усугубилось еще больше, когда увидел я, что и у нас по примеру иностранных, приглашались к сообщению обществу экономических своих замечаний все живущие в деревнях дворяне, равно как и другие всякого звания люди, и что для проложения им к тому удобнейшего пути предложено было при конце сей книжки и 65 вопросов такого существа и о таких материях, о которых не мудрено и не

трудно было всякому ответить, буде кто сколько-нибудь о деревенской жизни и сельской экономике имел понятие, и сколько-нибудь умел писать и владеть пером. Самое сие и побуждало меня прилепиться к сему предложению в особенности», — вспоминал в своих записках знаменитый писатель, агроном и селекционер А. Т. Болотов, сочинения которого трижды получали награды ВЭО.

Екатерина оказывала обществу всяческую, в том числе и материальную, поддержку. Еще в конце 1765 г. она анонимно обратилась в ВЭО с вопросом, что полезнее для земледелия, когда земля находится в единоличном или в общем родовом владении, т. е. ставила вопрос об общине, который будет столь бурно обсуждаться в XIX и начале XX в. (от декабристских кружков до Государственной думы). Несмотря на то что аноним явно склонялся в своем вопросе в пользу первого, ответа не последовало. Тогда в 1766 г. ВЭО по инициативе Екатерины (опять анонимной, с приложением большой суммы для публикации ответов, наград и т. д.) объявило конкурс на лучшее решение проблемы: «Что полезнее для общества — чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?» На конкурс пришло более 160 работ в основном французских и немецких авторов, среди которых были Вольтер и Мармонтель. Русских работ было всего семь.

Большинство авторов писали о неминуемом упадке общества, основанного на рабстве, об угрозе выступлений народа, доведенного до отчаяния, о паразитизме дворянства. Первую премию получило сочинение француза Беарде де Л'Абея, считавшего, что «могущество государства основано на свободе и благосостоянии крестьян, но наделение их землей должно последовать за освобождением от крепостного права». Он рекомендовал не спешить ни с тем, ни с другим и заниматься подготовкой крестьян к восприятию свободы. Интересно, что даже получившее первую премию сочинение было опубликовано только в 1768 г. после длительной дискуссии и вопреки мнению большинства (императрица присоединилась к меньшинству и «протолкнула» решение; так впоследствии поступит и ее правнук, «проталкивая» отмену крепостного права).

Русские проекты были сильны в критике и умеренны в предложениях. Переводчик и правовед А.Я. Поленов, учившийся в Страсбур-

гском и Геттингенском университетах и получивший вторую премию, писал: «Я не нахожу беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малейшей от законов защиты... претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насильства, отчего неотменно должны они опуститься и прийти в сие преисполненное бедствий как для их самих, так и для всего общества состояние, в котором мы их... видим». Он предложил ограничить барщину одним днем в неделю, создать в деревнях суды, школы, больницы, дать крестьянину право собственности на движимое имущество и наследственного владения — на недвижимое. Однако вначале «следует приготовить народ наперед через воспитание» и вообще начинать с дворцовых и государственных крестьян, а уж потом постепенно распространять эти меры на крепостных.

Представлены были и другие точки зрения. К примеру, замечательный русский поэт и драматург А.П. Сумароков, женатый вторым браком на своей бывшей крепостной, рассуждал так: «Потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, — и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь. — Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей... Что же дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не его: а ему что останется? ...Свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна...» Надо сказать, что сравнение крепостного с канарейкой или собакой звучало чересчур откровенно цинично даже для того времени. Спустя несколько лет Н.И. Новиков в своих сатирических журналах ответит таким дворянам, выписав «рецепт г. Безрассуду, болющему мнением, что крестьяне не суть человеки, но крепостные его рабы». Безрассуд должен «всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские, покуда не найдет он различие». Однако, как показали впоследствии дебаты в Уложенной комиссии, по-сумароковски рассуждало большинство дворян.

«Наказ» и Уложенная комиссия

Опыт конкурса был использован Екатериной при подготовке самого крупномасштабного мероприятия первого десятилетия ее царствования — Уложенной комиссии. По мысли императрицы, комиссия должна была дать обществу новые, совершенные законы. Вопрос о новом

своде законов взамен устаревшего Соборного уложения царя Алексея Михайловича (1649) был крайне актуальным для русского правительства, начиная с Петра I. Уложенные комиссии, работавшие при нем, при императрицах Анне и Елизавете, собрали много материала, а последняя подготовила и ряд важных проектов, но все детища бюрократического усмотрения оказывались нежизнеспособны. Екатерина решила пойти другим путем.

Она задумала дать России новый законодательный кодекс, основанный на идеях и принципах эпохи Просвещения, с которыми была хорошо знакома в их умеренном варианте (Вольтер как писатель, а Монтескье как мыслитель сопровождали ее всю жизнь). Императрица решила сама определить главные отвлеченные начала, на которых следовало строить новые законы, а выяснить нужды и желания общества она предполагала с помощью новой, всесословной Уложенной комиссии. Почти два года она упорно работала над своим «Наказом» будущему законодательному собранию, обильно используя классический философско-политологический трактат Монтескье «О духе законов» (1749) и некоторые юридические труды. Получилось пространное, теоретическое и местами очень радикальное произведение, по прочтении которого окружение императрицы пришло в ужас, и ей пришлось вычеркнуть почти половину текста.

Но и оставшиеся 20 глав и 526 небольших статей производили весьма сильное впечатление. «Наказ» был первым русским правительственным документом, говорившим о «естественной вольности» человека. Если петровское законодательство ввело понятие «общего блага» как цели, то Екатерина этот принцип персонифицировала, постоянно подчеркивая «благо всех и каждого», «безопасность каждого особо гражданина». В «Наказе» вообще впервые в российском законодательстве ставился вопрос об обязанностях правительства перед гражданами. Еще одна новация — нехарактерное для русских законов внимание к собственности. Говорится даже и о стремлении «учредить нечто полезное для собственного рабов имущества». Отголоски конкурса в ВЭО слышны и в ст. 295: «Не может земледельчество процветать тут, где никто не имеет ничего собственного». В «Наказе» развиваются просветительские идеи о необходимости распространения просвещения, искоренения беззакония, деспотизма, запрета смертной казни и жестоких наказаний, об умножении народного благосостояния.

Екатерина признает необходимость для России самодержавной власти ввиду огромного пространства империи, но цель такой власти — не то «чтоб у людей отнять естественную их вольность: но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра». Деятельность всех правительственных учреждений должна быть основана на законах — «чтобы люди боялись законов и никого бы кроме них не боялись». Законы же не должны запрещать ничего, «кроме того, что может быть вредно или каждому особенному или всему обществу». Декларируется веротерпимость, так как «гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает».

Разумеется, Екатерина не просто компилировала тексты европейских философов и юристов, но и пыталась адаптировать их теории к интересам собственной власти и страны, как она их понимала. Многие, что называется, изменилось до неузнаваемости (например, коренная для Монтескье идея «посредствующих властей» — относительно независимых от трона органов управления, превратившихся в «Наказе» в проводников политики монарха).

В первоначальных набросках императрица, настаивая на немедленном освобождении крепостных, предлагала смягчить их положение, предоставив право собственности на землю и оградив их от насилий помещиков. В окончательном варианте осталось лишь требование, чтобы законы, с одной стороны, «злоупотребления рабства отвращали», а с другой, «предостерегали бы опасности, могущие отсюда произойти». Но и в таком виде «Наказ», вызвавший бурный восторг Вольтера, во Франции в 1769 г. был запрещен цензурой.

Уложенная комиссия была созвана осенью 1767 г. в Москве. Избранные в нее 564 депутата представляли все сословия империи, кроме крепостных (считалось, что их интересы выражают помещики). В итоге довольно сложной системы выборов и представительства почти половина депутатов были дворянами. Комиссия читала «Наказ» императрицы и депутатские указы, привезенные с мест, законодательство о крестьянах и т. п. Порой разгорались жаркие споры, главным образом о сословных правах и пределах власти помещиков над крестьянами. Прозвучали некоторые либеральные выступления — например, дворянина Г.И. Коробьина, потребовавшего законодательного ограничения крепостничества, или казака А.И. Маслова, предложившего вообще отобрать крестьян у помещиков и передать в ведение специальной коллегии, которая бы собирала налоги и выплачивала бы их помещикам.

Но основная масса дворян продемонстрировала узкосословный эгоизм и враждебность каким бы то ни было реформам. Депутаты-горожане требовали права покупать крепостных и монополии на занятия торговлей. По меткому выражению С.М. Соловьева, «от дворянства, купечества и духовенства послышался этот дружный и страшно печальный крик: «Рабов!». Русское «третье сословие» добивалось не политических прав или юридических гарантий, а сословных привилегий. Через полтора года Уложенная комиссия была распущена и больше не собиралась. Своей законодательной задачи она не выполнила. Свод законов будет составлен в России только в 1832 г. командой опытных чиновников под руководством М.М. Сперанского.

Но ее деятельность не прошла бесследно ни для власти, ни для русского общества. Содержание местных наказов, речи депутатов, материалы подкомиссий широко использовались в дальнейшей деятельности правительства. По словам самой императрицы, комиссия «подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело иметь и о ком пешись должно». В дальнейшем императрица будет действовать более прагматично, учитывая требования и интересы высших сословий. Бурные дебаты в комиссии стимулировали подъем гражданского самосознания самых различных групп русского общества. Как писал знаток русской литературы XVIII в. Г.А. Гуковский, «в комиссии пережила свой первый расцвет русская политическая речь как особый и важный вид публицистики и литературы вообще». В комиссии начинали свою общественную деятельность — пока в качестве протоколиста и секретаря — гвардии поручик, а впоследствии знаменитый русский журналист, издатель и масон Н.И. Новиков и гвардии сержант, будущий замечательный поэт Г.Р. Державин.

В советской историографии было принято критиковать Екатерину за лицемерие (осуждает рабство и говорит о вольности, но при этом не делает и шага в сторону отмены или хотя бы смягчения крепостничества), попытку укрепить самодержавно-крепостнические порядки при помощи новейших западноевропейских идей — исключительно для «отвода глаз». Об этом недавно писал В.М. Живов: «"Наказ", будучи самым прогрессивным юридическим памятником XVIII столетия, бы вместе с тем законодательной фикцией, не имевшей никакого практического значения... входил в мифологическую сферу и выполнял мифологическую функцию, был атрибутом монарха, устанавливающего всеобщую справедливость и созидającego гармонию мира».

Историку трудно согласиться с такой интерпретацией. «Наказ» был не фикцией, а, скорее, по выражению А.Б. Каменского, «декларацией о намерениях», подготовительной работой для будущих «фундаментальных законов» Российской империи, правда, так и оставшихся в виде набросков в бумагах императрицы (отдельные и не самые существенные части этого плана были осуществлены в 1770—1780-е гг.). Не имевший юридической силы, этот первый опыт государственного либерализма оказал значительное влияние на русскую «историю идей», способствовал «приутовлению умов». От него тянется нить к проектам М.М. Сперанского, Н.Н. Новосильцева, Н.М. Муравьева, к либерализму внука Екатерины Александра I и правнука Александра II, к Государственным думах эпохи Николая II. Либерализму, конечно, непоследовательному и противоречивому, так как трудно быть либералом самодержцу в европейской, но периферийной и пытающейся преодолеть отсталость стране, при хронически недоразвитом обществе, где абсолютный монарх — и инициатор, и гарант движения вперед. Дилемму «деспот-реформатор» русские монархи, начиная с Петра I, решали каждый по-своему, с перевесом то в одну, то в другую сторону, но решена быть она не могла по определению.

Как писал о России екатерининский современник Дж. Макартни, «уделом самодержца здесь всегда будет определять своей рукой уровень цивилизованности, следить за каждым улучшением, которое может прийти в противоречие с его властью и поощрять его только тогда, когда оно покорно его величию и славе».

Тем не менее, «Наказ» и Уложенная комиссия важны для нас как законодательный и государственный прецеденты, как первая попытка приложения либеральных идей к российской почве (права и свободы личности, законность, правопорядок и т. п.).

«Прабабушка» и «дурные шмели»

Столкнувшись с неоднозначной реакцией общества на свои инициативы, Екатерина усиливает литературную активность, направляя ее на «два фронта» — как против непросвещенных крепостников, так и против инакомыслящей дворянской молодежи. Организовав первый сатирический журнал «Всякая всячина» (1769—1770) и призвав других литераторов последовать примеру «прабабушки», она вступает на поле публицис-

тики, стремясь дать выход оппозиционным настроениям в печати и направить общественное мнение в нужное русло. Главная же идея самой императрицы во «Всеякой всячине» — идея «сословного мира»: все «сословия» должны быть довольны своим положением, так как они члены одного тела — государства. «Долг наш, как христиан и как сограждан, велит имети доверенность и почтение к установленным для нашего блага правительствам и не поносить их несправедливыми жалобами».

Императрица дала свою версию причин роспуска Уложенной комиссии. Так, например, в ее «Сказке о мужичке» рассказывается о том, как портные (депутаты) шили мужичку (народу) новый кафтан (уложение). И хотя у них был даже образец такого кафтана («Наказ»), дело у них не шло. Тут «вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и холода помирали» (Лифляндия, Эстляндия, Украина и Смоленская губерния), которые, хоть и были грамотны, помогать портным не пожелали, а, напротив, стали требовать, чтобы им отдали те кафтаны, которые они носили в детстве (старинные привилегии). В итоге мужичок так и остался без кафтана. Стремление свалить вину с больной головы на здоровую говорит о том, что императрица переживала завершение деятельности Уложенной комиссии как неудачу, за которую надо было «назначить» виновных.

Касаясь общественных недостатков, Екатерина настаивала, что они происходят от пороков, свойственных всем людям (приказные становятся взяточниками потому, что их соблазняют посулами просители), а главной целью сатиры считала исправление нравов: поскольку грубость и жестокость свойственна необразованным людям, то, просветив помещиков, можно сделать их человечными по отношению к крепостным.

Из семи сатирических журналов, которые стали выходить в качестве «потомства» «Всеякой всячины», два сразу же начали острую полемику с ней — это были «Труть» Н.И. Новикова и «Смесь» Ф.А. Эмина. Новиков, поставивший эпиграфом к своему журналу на 1769 г. слова из басни Сумарокова «они работают, а вы их труд ядите» (прозрачный намек на паразитизм дворян, хотя у Сумарокова речь идет о писателях-плагиаторах), обрушился на помещичий произвол, обличал царящее в России беззаконие, издевался над невежеством и продажностью судей в жанре частных объявлений: «Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить, могут его сыскать в здешнем

городе... Недавно пожалованный прокурор отъезжает во свое место и по приезде желает он развесть редкое в том городе растение, именуемое цветущее правосудие, хотя воевода того города до оногo растения и не охотник, чего ради потребен г. прокурору искусный садовник... Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям до просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть, могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

«Всякая всячина» убеждала в необходимости умеренности, человеколюбия, подчеркивала достигнутые Россией успехи и советовала не торопиться: «Пока новые законы поспеют, будем жить, как отцы наши жили, с тем барышом противу них, что мы ощущаем более от вышней власти человеколюбия, нежели они». Что называется, сам себя не похвалишь — никто не похвалит. Но тут, скорее, было не столько самовосхваление, сколько стремление направить формирувавшееся в том числе и новиковским журналом общественное мнение в нужное русло.

Однако полемика приобретала все более острый характер. В ответ на екатерининскую сатиру «в улыбатальном роде» и утверждения типа «похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные», Новиков смело заявляет: «Многие, слабой совести люди, никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан, но таких людей человеколюбие приличнее называть пороколюбием». Это был совершенно беспрецедентный для России случай публичной полемики императрицы на равных со своим подданным — невозможно ведь представить себе Петра I, доказывающего в печати свою правоту. Кстати, не случалось подобного и впоследствии.

Терпения императрицы хватило ненадолго, и она от полемики перешла к мерам административным. Журналы Новикова и Эмина были подвергнуты более строгой дополнительной цензуре. В одном из последних выпусков «Трутня» следующим образом объяснялся отказ от публикации очередного критического письма — «оно задевает Всякую всячину и критикует господина сочинителя за то, что от критики свободно». В попытке подчинить себе общественное мнение Екатерина II потерпела неудачу. «Дурные шмели, — сетовала она, — нажужжавшие мне уши своими разговорами о мнимом неправосудии», оказались сильнее. Тиражи «Всякой всячины» падали, вскоре она закры-

лась. Впоследствии императрица скрывала свою причастность к полемике 1769—1770 гг., а к публицистике вернулась только спустя тринадцать лет. Перестал выходить под давлением свыше и «Трутень», однако через полгода Новиков начинает издавать новый журнал, а с 1772 г. — знаменитый «Живописец», смело и необычайно ярко обличавший жестоких крепостников и коррумпированных чиновников. В разгар пугачевщины Новиков ухитряется выпустить его третье издание и тем продемонстрировать верность давнему принципу — «я чувствителен к крепостному состоянию».

«Маркиз Пугачев»

Грянувшая в 1773 году пугачевщина охватила огромную территорию (от Оренбурга до Казани и Царицына) и в буквальном смысле потрясла государство. Сбылись слова тех, кто предупреждал о неминуемом взрыве народного возмущения тяжестью крепостных порядков. Именно в этом смысл крестьянского и казацкого бунта. В манифестах и указах Пугачева все дворяне квалифицируются как «сущие преступники закона и общего покоя», «возмутители империи и разорители крестьян», их предлагается «казнить смертию, а дома и все их имение брать себе в награждение». Причем этот радикальный призыв аргументируется своеобразной, но хорошо понятной крестьянам справедливостью: «А на оное их, помещиков, имение и богатство, также яство и питание было крестьянского кошта, тогда было им веселие, а вам отягощение и разорение». На стороне восставших была страшная ветхозаветная правда — око за око, зуб за зуб.

По манифесту 31 июля 1774 г. крестьян призывали «ловить, казнить и вешать» дворян, «поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами». Будущее же рисовалось в самых радужных тонах: «По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякий сможет почувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет». Кстати, искушению идеей отмщения поддались далеко не все. Нам, конечно, известны многочисленные случаи расправ, убийств и поджогов, но нередко крепостные сами прятали своих помещиков, спасая жизни им и их детям (так поступили с родителями и младшими братьями и сестрами А.Н. Радищева).

Спасовали и местные власти. Екатерина в письмах к подавлявшему бунт генералу Петру Панину (родному брату Никиты Панина) писала о причинах восстания: «Слабое поведение в разных местах гражданских и военных начальников я почитаю столь же общему благу вредным, как и сам Пугачев со своею сволочью». Возмущенная новиковскими обличениями «мнимого неправосудия», в приватном письме она говорила о том же: «Наперед раздражая жителей неправосудием и мздоимством, когда дошло до обороны, чувствуя народную к ним недоверенность, у них и руки упали, что способствовало бунтовщикам причинить толикия злодейства и разорения».

Пугачевщина совпала по времени с важными внешнеполитическими мероприятиями. К 1775 г. Екатерина окончила три тяжелые войны — с Польшей (первый раздел которой в союзе с Пруссией и Австрией был в 1772 г., к России отошла восточная Белоруссия), Турцией (война 1768—1774 гг., в результате которой были приобретены земли от Днепра до устья Южного Буга, крепости Керчь и Еникале в Крыму) и своим «воскресшим» супругом, которого она, по аналогии с героем известной сказки Ш. Перро, называла «маркиз Пугачев».

Итоги первой, реформаторско-романтической, декады правления Екатерины II оказались неожиданными для нее. Новое законодательство так и не было создано, усилия по «приготовлению умов» вызвали выход из-под контроля значительной их части. К этому императрица не была готова; вопрос о том, как работать со складывавшимся общественным мнением, оставался для нее открытым. В российской же литературе и общественной мысли начинает широко обсуждаться тема пределов и характера власти монарха.

Как писал знаток русской культуры XVIII в. Б.И. Краснобаев, «она была животрепещущей и в житейско-практическом плане, и в теоретическом, так как большинство мыслителей того времени связывали с характером правления, с деятельностью монарха не только особенности современного состояния государства и общества, а и надежды на будущее справедливое общественное устройство». Одновременно возник крестьянский вопрос — как проблема и политическая (что делать с институтом крепостного права), и общественная (влияние крепостничества на господ и на рабов), и культурная (возникновение интереса к крестьянской культуре и начало собирания ее памятников).

Екатерина переходит к более традиционной, прагматической и менее рискованной политике. Во внутренних делах идет модернизация системы управления, оформление и укрепление сословности, поощряется развитие просвещения, во внешней — начинается новый виток традиционных для России войн с Турцией и Польшей. Этот курс, по выражению В.О. Ключевского, приведет в конце царствования к двум основным итогам — громадному увеличению материальных средств (территория, население) и значительному усилению социальной розни (отношения между различными сословиями и национальностями внутри империи).

А все могло бы быть по-другому... Если бы Екатерина не убоялась воплотить в жизнь панинский проект, Россия, пожалуй, лишилась бы множества блестящих и разорительных начинаний, но зато начатое, будучи под контролем хотя бы части образованного общества, скорее всего развивалось бы более последовательно, закономерно и менее было бы подвержено капризам «российской Минервы». Действительно, прав был критик идеи Императорского совета Вильбоа — само его существование постепенно привело бы к формированию у подданных мысли разделить права с государем. И эти права, очевидно, в ходе практической государственной работы «разделялись» бы постепенно и мирно.

Увы! По словам Карамзина, «что быть могло, но стать не возмогло...» И все же публично провозглашенная в «Наказе» мысль о законе, который выше воли государя, уже не исчезла. Она получит продолжение спустя десятилетие в конституционном проекте Панина и Фонвизина, сочинениях Радищева, а затем и в проектах александровского царствования.

Подробнее на эту тему:

Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729—1796) // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 5. М., 1989.

Брикнер А.Г. История Екатерины II. Т. 1-2. М., 1996.

Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...» М., 1992.

Мадариага И. де. Россия в век Екатерины Великой. М., 2001.

Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993.

Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. М., 1998.